

ИНТЕРВЬЮ С НЕМЕЦКИМ ДЕСАНТНИКОМ ВЕРНЕРОМ КУРКОВСКИ

МОНТЕ КАССИНО - НОРМАНДИЯ

Вернер Курковски (Werner Kurkowski, 1924(?) – 2002, на фото слева) родился в Данциге (ныне Гданьск, Польша). В 1942 году он поступил на службу в Люфтваффе, желая стать летчиком, но затем добровольно записался в воздушно-десантные войска.

Что из себя представляла Ваша подготовка и как случилось, что Вы вместо пилота стали парашютистом?

Я записался в ВВС в конце 1942 года. Нас разместили на Атлантическом Валу в июне 1943 года для того, чтобы мы смогли приобрести некоторый боевой опыт перед поступлением в летную школу. Мы провели там три месяца в ожидании, высматривая, не идут ли союзники. Мы так и не вступили в бой, и после этого нас отправили обратно в Германию учиться летать. Военному делу нас обучали непрерывно, начиная со школы, в разных [молодежных] организациях. Уже в школе мы ходили маршем на спортивные площадки и распевали песни.

Нам это было, по сути дела, привито. То же самое было и в ВВС. Когда нас обучали, мы ни от кого не услышали не единой жалобы. Мы были на 100% готовы умереть за свою страну, и мы пели об этом. Нас учили верить, что, если тебе суждено умереть, то ты умрешь. Вот так вот. Примерно в ноябре или декабре 1943 года мы были на полпути к завершению курса летной подготовки. Мы летали по несколько часов в день, после чего шли с лопатами в руках отсыпать земляные валы вокруг наших самолетов: их нужно было защитить от налетов авиации союзников, все чаще и чаще появлявшейся над Штутгартom, изо дня в день. Они бомбили все и всех. Каждую ночь нам приходилось усаживаться в грузовик, который отвозил нас в Штутгарт. Там мы помогали людям выбираться из подвалов после бомбежек. Это было тошнотворным занятием. Я подумывал о том, что мы должны отправиться на фронт, чтобы иметь возможность сражаться. Да ну все это к черту! Я больше не хотел работать лопатой. Мы должны были стать солдатами и записаться в парашютисты. По меньшей мере, в их рядах мы могли уже вскоре понюхать пороху.

Кажется, Вы неизбежно должны были вступить в бой, попав в ряды парашютистов, которые проявили себя великолепно в нескольких сражениях на раннем этапе войны, правда, дорого заплатив за это...

Мой командир дал нам три дня на то, чтобы мы могли принять решение о переводе в парашютисты. Думаю, он сделал это, чтобы спасти нас. Он, вероятно, думал, что мы посходили с ума, но нам этого не сказал. Но, будучи молодыми парнями, мы были полны энтузиазма относительно нашего решения пойти в бой. Наш командир не мог остановить нас. Нас отправили в Штендаль/Stendal, где находился основной тренировочный лагерь для парашютистов. Обучение там было суровым, но это было необходимо. Обучение прыжкам с парашютом продолжалось пару месяцев.

Потом что было?

После прохождения обучения меня послали в Италию, где меня спросили, куда я хочу быть отправленным. В Италии я оказался в составе саперной части, вместе с которой прибыл в [Монте Кассино](#) в апреле 1944 года.

Бои под Кассино к тому времени продолжались уже почти четыре месяца. В каких условиях Вы оказались после прибытия на передовую?

Большую часть времени мы не видели ничего. Мы все время отсиживались в пещерах или блиндажах, и, если союзники атаковали нас, мы открывали по ним огонь. Там вокруг нас были сплошные развалины. Многие были ранены, потому что грунты под нами были скальными. Тебя мог миновать осколок снаряда, но в тебя часто попадали камни. Если в стену попадала 80- или 120-мм мина, обломки камня могли угодить тебе в лицо. Под Кассино частым явлением были травмы глаз и все такое прочее. Минометы были там основным оружием противника, и вражеская артиллерия вела по нам огонь почти постоянно. Мы были в обороне, так что, если нас обстреливали, то мы отстреливались. Мы рыли в земле глубокие ямы, в которых могли выжить, или выжидали, сидя в подвалах, когда находились под артогнем, выкуривая одну сигарету за другой. Потом, если враг шел в атаку, мы вылезали из своих ям и стреляли по нему. Бой был и правда близким, иногда они подбирались на 20 футов к моей позиции. Сражались они яростно. Думаю, по обе стороны фронта там было больше убитых, чем в любом другом сражении.

Немецкие солдаты в оборонительном бою под Монте Кассино

Похоже, бои шли постоянно. Каким был обычный день на передовой?

Мы ждали, когда перейдем в разряд раненых или убитых. Мы считали дни и выбывших из строя. За один день ты мог потерять двух приятелей, потом тебя посещало такое чувство, что тебе повезло, раз ты дожил до следующего дня. Союзники атаковали нас непрерывно: они пытались прорвать нашу оборону три или четыре раза в день. Мы, в основном, были на посту и высматривали их. Мы могли выдвинуться немного за нашу передовую линию, чтобы понаблюдать за противником и понять, что происходит. Линия фронта под Кассино часто смещалась. Группы людей вступали в бой, занимая позиции на различных высотах, по ночам англичане пытались проскочить между ними. Бои шли там и тут, но ты видел только то, что происходило с твоей частью. Весь сектор фронта, на котором шли бои, ты

не видел. Иногда случалось, что несколько дней подряд продолжалось затишье, а потом они могли атаковать несколько дней подряд. Мы просто старались удержать свои позиции. Мы никогда не пытались атаковать их, если только не возникала необходимость отбить участок, который был до этого оставлен. Противник атаковал вверх по склону и откатывался, а мы теряли все больше и больше людей. Роты могла превратиться во взвод, а потом просто в кучку людей. В итоге, союзники обнаружили, что там осталось совсем немного немцев. Те, кто еще мог ходить, отступили...

Вы сказали, что главным оружием были минометы, но Вы говорили о серии ближних боев. Приходилось ли Вам драться против вражеской пехоты?

О, да. Они атаковали нас. Они использовали обычные методы ведения боя, которые вы можете найти в книгах. Сначала они проводили многочасовую артподготовку, интенсивность огня могла нарастать. Потом они могли выпустить несколько дымовых снарядов, чтобы поставить завесу и лишить нас возможности видеть тех, кто атакует. В итоге, они бросали вперед пехоту и пытались прорвать нашу линию обороны, но у них ничего не получалось. Так продолжалось пять месяцев.

Кассино. Польские солдаты несут труп убитого товарища. Слева – убитые немцы...

Соотношение сил явно было не в вашу пользу. Как вы продержались так долго?

Нам приказали держаться при любых обстоятельствах – именно поэтому там бросили в бой парашютистов. Там еще были горные стрелки (Gebirgsjäger). У нас был строгий приказ: ни шагу назад. Бои были тяжелыми, ожесточенными. У них была артиллерия, но эти долбанные минометы были хуже всего остального. Мне они ох как не нравились. Там напротив каждого были минометы. Мы несли основные потери тогда, когда попадали под их огонь, находясь вне укрытий. Но мы несли потери и от артиллерии, и от ружейного огня тоже. Если ты сидел в стрелковой ячейке, противник не приближался к тебе слишком быстро. Парни по ту сторону тоже испытывали страх. Нашим лучшим оружием против них были ручные гранаты. У нас всегда под рукой была куча гранат. Мы были где-нибудь на высотах, и они пытались подобраться к нам ночью. Мы давали им подойти поближе, после чего забрасывали гранатами.

Это сражение известно проявлениями рыцарства по отношению врагов друг к другу. Как Вы считаете, это правда?

У нас были короткие перемирия, если было много убитых и раненых. В такие моменты мы переставали стрелять. Позднее у нас и в Нормандии были перемирия. Мы давали им полчаса, они давали нам до трех часов, потому что они в этих случаях отводили всех своих людей от передовой. Американцы отходили и потом давали нам час или два, чтобы мы могли подобрать своих убитых и раненых. Они всегда [строго] придерживались перемирий. Если подумать обо всем этом сегодня, война – это такой бессмысленный расход жизней. Сегодня рассуждают по-другому, чем тогда, но в те времена мы были запрограммированы на то, чтобы быть солдатами...

У Вас был миномет?

У меня был карабин K98. У нас также было новое оружие – полуавтоматические винтовки, но они были жестянками, так или иначе. Старый карабин K98 был лучшим из того, что у нас было. Он был очень надежным, сделан он был очень прочным по сравнению с тем, что у нас было потом. Карабины были болтовым оружием, в него можно было зарядить семь патронов, он давал возможность вести точный огонь. Полуавтоматические винтовки вмещали до 15 патронов, и приходилось носить больше боеприпасов, потому что с ними ты и расходовал их больше. Может, из 25 выстрелов 5 и попадало в цель. Иногда мы носили с собой американские автоматы, если была возможность раздобыть для них боеприпасы. Немецкий MP40 был хорош, если ты не использовал его слишком часто, потому что магазинные пружины тогда ослабевали. Получалось, что автомат делал пять или шесть выстрелов, а потом, совершенно неожиданно, магазин переставал подавать патроны. Его пружина приходила в негодность из-за чрезмерного использования.

Соотношение сил было для Вас совсем неважным. С учетом интенсивности боев, верили Вы в то, что победа будет за Вами?

Нет, у нас больше в этом не было уверенности. Мы просто держались и дрались, надеясь на то, что нас скоро сменят. Мы просто ждали замены, ждали возможности убраться оттуда. Когда меня ранило [осколком снаряда], я подумал: «Господи, спасибо тебе. Я отправляюсь в госпиталь, и на этом все кончится.» Но через какое-то время в госпитале стало так тоскливо, что это стало действовать мне на нервы.

Бывало ли так, что Ваши товарищи не выдерживали нервного напряжения?

Не было такого, чтобы кого-то одолевала усталость от боя. Наша армия не знала, что это такое. Ты сражался, или ты погибал. Мы не могли сказать вслух: «Я больше не могу выносить это.» Если бы кто-то произнес это, его бы перевели на еще более опасный участок. В моей части такого не было ни разу. Мы все были добровольцами, так или иначе. Если кто-то стрелял себе в ногу, чтобы оказаться подальше от передовой, его расстреливали. Много немецких солдат были казнены во время войны...

Как Вы думаете, что предопределило Ваше поражение под Кассино?

Союзники просто перемололи нас, одного за одним. Это было похоже на жернова, нас становилось все меньше и меньше. Никто так и не пришел, чтобы сменить нас. Сначала каждый из нас удерживал 5 ярдов позиций, потом 20, потом 50, в то время как наши парни переходили в разряд убитых и раненых. В итоге мы отступили. Кроме того, нам не хватало боеприпасов и всего прочего, это все приходилось доставлять по ночам. Мы дрались до конца, но потом нам пришлось уйти. В той ситуации было лучше удрать и спасти свою шкуру.

Немецкое военное кладбище под Кассино

Достойно внимания то, что Вам удалось продержаться так долго. Помогали ли офицеры поддерживать в Вас боевой дух?

О, да! В германской армии офицеры превосходно знали свое дело, особенно в таких элитных частях, как воздушно-десантные. Наши унтера также были хороши, и мы могли брать с них пример. Мы все время были в тесном контакте с нашими унтерами, а офицеры держали нас на большем расстоянии. Парашютистов готовили так, чтобы каждый мог возглавить людей, если погибали все, кто был старше по званию. Рядовых обучали вести людей за собой, если возникала необходимость, и делать это на уровне командиров. В начале войны, в ряде других армий, если погибал командир, для остальных это кончалось плохо. У немецких парашютистов был другой принцип боевой подготовки. С самого начала людей готовили в лидеры. Я не знаю, как было с этим в пехоте или в других родах войск.

Немецкие парашютисты под Кассино

Вы сказали, что вздохнули с облегчением, когда Вас ранило. Как это случилось?

Да просто ни с того, ни с сего разорвался артиллерийский снаряд. Я даже не заметил то, что ранен, пока не залился кровью. Один из парней сказал: «Боже мой! У тебя дыра в плече!» Потом мне сказали отправляться на перевязочный пункт.

Монте Кассино было страшным местом для того, чтобы получить боевое крещение. Повлияло ли это сражение на Ваши представления о шансах Германии на победу?

Нет, я понял все, когда записался на службу в ВВС в конце 1942 года. Тогда уже не было крупных побед. Мы отступали на всех фронтах, но всегда оставалась надежда. Люди удерживали свои позиции и медленно отходили... Сталинград стал началом конца. В России мы постепенно отступали, продвигались на одну милю вперед, потом отступали на две. Так же было в Африке и Италии. Мы говорили между собой: «Чем больше собак, тем больше кроликов они перебьют.» У нас оставалось все меньше и меньше шансов. Думаю, единственным, что заставляло машину крутиться, было то, что нам постоянно говорили о секретном оружии... Я проехал через всю Германию, от одного края до другого: Берлин, Дрезден, Мюнхен. Повсеместно были видны разрушения, многие дома стояли без крыш. Ну а находясь на фронте, ты этого не видел, так что солдаты выполняли свой долг, так вот все и шло. Вопросов мы не задавали. Нам говорили отступать, мы отступали. Чем быстрее мы откатывались назад, тем ближе мы были к дому...

Прежде чем Вернер Курковски окажется дома, пройдет еще много времени. Получив ранение, он попадет в госпиталь и не увидит того, как его остающиеся в строю товарищи покинут Кассино 18 мая 1944 года. Излечившись от ранения, он получит назначение в часть, находившуюся во Франции. Там он примет участие в обучении большого числа молодых солдат, недавно призванных в армию...

Вы охарактеризовали Монте Кассино как жернова, как сражение, в котором люди погибали в катастрофическом темпе. По сравнению с этим во Франции, должно быть, было гораздо легче...

Да, но только сначала. В мае 1944-го я оказался во Франции вместе с другими излечившимися от ран ветеранами, вернувшимися на фронт в виде пополнения. Мы прошли дополнительную подготовку и были отправлены в 5-ю Воздушно-десантную Дивизию, где нас обучили подрывному делу и укладке мин. В каждом полку была саперная рота.

К 6 июня 1944 года 5-я Воздушно-десантная Дивизия не была дислоцирована сразу за линией фронта, но затем ее пришлось срочно перебрасывать к занятым союзниками плацдармам. Как прошел Ваш марш к передовой?

Атаки союзной авиации замедлили наше выдвижение в Нормандию. Мы, практически, всю дорогу от Десиза/Decize, что на Луаре, до севера Франции ползли словно пешим ходом. Мы погрузились на небольшой поезд, который часто останавливался. От Десиза до Тура расстояние было около 200 километров, так у нас это заняло неделю проехать его. На пути в Тур нас дважды брала в оборот американская авиация, которая налетала группами от 40 до 50 В-17 и В-24. Парашютисты действовали в американском секторе вторжения, в районе Изиньи (Isigny-sur-Mer.) Там мы сменили какие-то пехотные части, которые дрались с момента высадки союзников, и эти люди были измотаны до предела, они просто выгорели. От огня артиллерии союзников не было спасения, никто не приходил им на смену, и были они под постоянным прессом, пока не появились мы, парашютисты. Там у союзников был небольшой сектор высадки, они пробыли там месяц, но большого продвижения не добились.

Итак, Вы прибыли в Нормандию...

Сначала мы были заняты патрулированием для того, чтобы втянуться в обычные фронтовые дела. Я ходил на разведывательное патрулирование в середине июля и имел возможность увидеть Ла-Манш: мы были всего в 10 или 20 милях от моря. С одной из высот я мог разглядеть краны и все остальное на пляже близ Изины – это было между пляжами [Юта](#) и [Омаха](#). Казалось, американцы там застряли, мы тем времени занялись укладкой мин. Каждый раз, когда какой-нибудь батальонный командир хотел, чтобы были уложены мины, нам приходилось отправляться на передовую и делать это. В нашей части были и старые, и молодые парни, но, в основном, последние.

Союзники быстро увязли в краю живых изгородей (bocage country). Удивлялись ли Вы тому, что никто не пытается сбросить их в море?

Все время стоял один и тот же вопрос: «Когда мы собираемся атаковать их? Когда мы соберемся и выкинем их?» Эти вопросы так и остались без ответа. Я ходил на передовую, потом возвращался назад и думал: «Наступит день, мы перейдем в крупное наступление и уничтожим все силы союзников, расположившиеся там.» Мы ждали этой большой атаки, но она так и не состоялась.

Почему?

У союзников было 100%-е господство в воздухе. Мы же вообще не имели никакой авиационной поддержки. Там было столько американских истребителей, что мы не могли перейти на другую сторону улицы или пройти от одной фермы до другой без того, чтобы они нас не атаковали. Днем мы не могли водить по дорогам грузовики или любые другие машины, если только они не были очень хорошо замаскированы.

Вы не могли атаковать и не могли отступить. Это напоминает сражение на истощение под Монте Кассино.

Сражение за Нормандию шло и шло. Американцы и англичане думали, что это будет легкой прогулкой, но этого не случилось. Мы сражались настолько упорно, насколько было возможно, располагая тем малым, что у нас было, старались остановить их под Сен-Ло и Каном. Там мы потеряли многих людей.

Вы уже говорили о том, насколько эффективной была авиация союзников. В чем еще союзники произвели на Вас впечатление?

Артиллерия союзников также была превосходной. У них было столько всего... Они вели огонь днем и ночью. У них были одномоторные самолеты-корректировщики огня – L-5, которые летали близ линии фронта и наводили артиллерию. Мы так много людей потеряли от ее огня. На самом деле, наибольший урон был от их шрапнели, хуже этого не было ничего. Мы потеряли больше людей от их артогня, чем от воздушных атак или чего-либо еще.

Вам лично от артогня досталось?

Было один раз в Нормандии, когда я получил ранение в рот: осколок попал мне в губы. Я просто потерял голову, кровь лила ручьем с отвисшей губы. Когда я добрался до перевязочного пункта, меня спросили, зачем я туда пришел. Я сказал: «Смотрите, я истекаю кровью!» Тот парень посмотрел на мою рану и заклеил ее пластырем. (Курковски смеется.) Потом он сказал мне возвращаться туда, откуда пришел.

Какими были условия, в которых шли бои в Нормандии?

Мы оставались на одном месте на пару дней, потом отступали. Каждый день отходили на милю-другую. Собирали все свое снаряжение и уходили ночью. Саперы всегда были последними из отступавших, и мы минировали оставляемые места или улицы. Затем мы покидали эти места пешим ходом. У нас были кое-какие машины, но, по большей части, мы использовали лошадей, которые тащили фермерские фургоны, в которые мы складывали все необходимое, чтобы не нести его на себе. Потом мы перегруппировывались и закреплялись на новой позиции.

Господство союзников в воздухе оказывало воздействие на снабжение?

Моей части приходилось выживать на подножном корму. Большинство частей было в такой же ситуации. Провианта мы не получали, нам приходилось добывать его самим. Обычно, когда мы находились на линии фронта, где-то в тылу были люди, которые готовили нам еду. Они подвозили нам еду и кофе. Ну а тут мы добывали еду на местных фермах, и этого хватало. За все три месяца, которые мы провели там, мы ни разу не получили ничего с нашей кухни: мы были на самообеспечении. (Смеется.) Это было что-то вроде турпохода.

Многое говорилось о живых изгородях в Нормандии (bocage). Как Вы использовали этот формировавшийся веками ландшафт в бою?

Мы рыли в них стрелковые ячейки. Они были хорошим укрытием от американцев. На постройку такой изгороди уходит сто лет: надо собрать камни, присыпать их землей и посадить на них кусты. Американцы со своими танками мало что могли сделать, чтобы преодолеть их: они продвигались по такой местности через [существующие] проходы. Каждое [огороженное] поле имело два прохода по углам. Их танкисты вели пулеметный огонь над изгородями, если была такая возможность. Если они заставляли нас посреди поля, окруженного ими, они могли расстреливать нас, как на полигоне. Так случилось позднее, когда я видел, как отступает большое количество наших людей, у которых не было при себе оружия.

Со временем союзники разработали методику преодоления живых изгородей, и к июлю они начали прорываться из Нормандии [вглубь страны]. Немецкая 7-я Армия вскоре предприняла попытку вырваться из создаваемого союзниками котла. Как проходило отступление?

Когда я оказался в Вире/Vire, стало известно, что американцы находятся к западу от нас во Флере/Fliers. Я ошивался рядом со штабом, и один из штабных сказал: «Нам нужно убираться отсюда, или нас запечатают в бутылку!» Мы, услышав все это, говорили так: «Американцы уже обходят нас! Что мы собираемся делать? Для чего мы удерживаем эти позиции?» Потом, в августе, мы, наконец, получили приказ капитана Харта (Hart) на отход. Командование опасалось, что британцы вот-вот осуществят прорыв в районе Кана, и позднее это случилось. Командование старалось удерживать дороги открытыми и вывести войска [из Фалезского котла.] Во второй половине того дня в одном месте были собраны все люди из нашей дивизии и из нашего полка, чтобы посчитать тех, кто остался в строю. Там у нас был один лейтенант, он был ранен, и он сказал нам раздобыть как можно больше машин. Нам пришлось или красть чужие машины, или просто отыскивать их, потому что у нас их вообще не было. Мы угоняли джипы и бронетранспортеры у американцев и воровали у них бензин. У них были склады горючего вдоль дорог. Потом мы собрались вместе, и наш лейтенант сказал, что я могу воспользоваться его мотоциклом с коляской, но унтер-офицеру Гэлинг (Gaeling) он понадобился для того, чтобы вывезти на нем какие-то штабные материалы, поэтому он укатил на нем с этими материалами в коляске, а мы пошли на своих двоих...

С учетом доминирования союзников в воздухе, это, должно быть, было трудное отступление...

Мы шли по дороге. Самолеты союзников один за другим пикировали и обстреливали нас, словно бешенные, и тогда нам приходилось убегать в поля. Над [Фалезским котлом](#) было больше английских самолетов, чем американских. Они выпускали по нам ракеты. В итоге, часа через четыре, я оказался где-то между Фалезом/Falaise и Аржантаном/Argentan. Становилось темно, так что мы использовали компас, чтобы найти дорогу. Мы хотели уйти на север, в сторону Руана/Rouen, который находится на Сене. С нами были полковник и лейтенант, и мы так и шли вместе с ними, ориентируясь по компасу.

Натыкались ли Вы на противника?

Отступая, мы увидели каких-то эсэсовцев, которые крутились где-то то в окрестных зарослях кустарника. Подойдя к ним, мы сказали, чтобы они не стреляли в нас. Один из них ответил: «Вам повезло, потому что наш пулемет неисправен, а то мы положили бы вас всех.» Ну, мы сказали им, что отступаем от передовой. Они ответили, что, если мы хотели выбраться из опасной зоны, то нам это уже удалось сделать, но вскоре мы наткнулись на группу англичан, которые открыли по нам бешенный огонь. У них были пули, оставляющие красные трассы... Мы рассредоточились и бросились бежать, словно кучка кроликов. Помню, как я залег в кустах с моим приятелем, Хансом Фитшем (Hans Fitsch) и сказал ему: «Ханс, будет гораздо лучше, если мы выберемся обратно на дорогу и оглядимся: может, нам удастся сесть на грузовик. Я устал от ходьбы пешком.» (Смеется.) Ну, вышли мы на дорогу, где удалось сесть во флотский грузовик. Там у них были одеяла, и мы поспали какое-то время. Потом я проснулся, был уже рассвет, и я выбрался из грузовика, потому что колонна стояла, и пешком можно было идти быстрее.

То есть, вас там было всего двое. Оставалось ли на тот момент у вас какое-то подобие единой части?

Практически каждый был сам по себе во время отступления, и мы потеряли почти все наше тяжелое вооружение и всех наших лошадей к тому времени. У большинства людей были оружие и боеприпасы, и это все. Мы подошли к месту слияния двух дорог и увидели военного полицейского, который регулировал движение авто- и гужевого транспорта. Это была единственная оставшаяся дорога, уходившая на восток, одна ее полоса использовалась машинами, другая лошадьми, которые тащили пушки и разные грузы. Если лошадь убивало огнем противника, ее оттащивали на обочину. Иногда, по необходимости, подходил танк и сталкивал ее с дороги.

Тут погода ухудшилась. Пошел дождь, небо затянуло, так что авиация союзников не могла действовать слишком эффективно. Если бы стояла ясная погода, они бы бросили туда свои бомбардировщики и выбомбили бы все подряд... Полицейский сказал, что дорога открыта, и все пришло в движение. А так, на тот момент, а дело было рано утром, все стояло. Я увидел каких-то парней из SS на полугусеничном транспортере с 37-мм пушкой и подсел к ним. Мы с Хансом устроились сзади, я ехал сбоку, держась за башню. Так мы пробрались через бутылочное горло.

Американцы и британцы запечатали Фалезский котел где-то в середине августа 1944 года, крышка захлопнулась близ Шамбуа/Chambois и Сен-Ламбера/St. Lambert. Похоже, Вам удалось выскочить в самый последний момент...

Там было около семи или восьми американских танков с одной стороны [дороги] и пять или шесть немецких с другой, и они лупили друг по другу. Между ними была пара сотен ярдов. У американцев были *Шерманы*/Sherman, английских машин я там не видел. Снаряды рикошетили и с воем летели во все стороны. Парень, сидевший в башне полугусеничной машины, давал указания водителю, куда ехать через окрестные поля. Всюду были раскиданы тела убитых и раненых солдат, Многие кричали, зовя на помощь санитаров. Это был хаос. Остальные бежали в панике и искали, где бы укрыться, куда бы убежать. Таких

там была пара сотен человек. Мы выбрались, стало поспокойнее, и тогда наш бронетранспортер замедлил ход.

Вы так описали все это, то стало понятным, почему этот последний выход из котла назвали Коридором Смерти/Corridor of Death...

У нас была кое-какая поддержка со стороны танкистов, там столько металла летело во все стороны... Нам просто повезло. Люди лежали на земле, раненые стонали. На дороге лежали лошади, некоторые из них были еще живы. Слева и справа двигались машины, пытавшие выбраться оттуда. Думаю, это было в последний раз, когда бутылочное горло в тот день оставалось открытым, однако оно периодически приоткрывалось и закрывалось. Союзники продвигались вперед и снова окружили нас, так что нам пришлось мотаться по округе всю ночь.

Вероятно, когда Вы выбрались из котла, Вы полностью выбились из сил...

Люди, сидевшие в машинах, сказали нам ждать, сказали, что пока машины никуда не идут. Дело было во второй половине дня, эти парни стали засыпать – это было им крайне необходимо. Ханс и я оставили их и стали искать место, где можно было улечься и вздремнуть. Вокруг поля были большие живые изгороди. Через них от одного поля до другого проходила небольшая дорога, по ней двигался весь наш транспорт. Она была почти полностью прикрыта деревьями. Мы побродили немного – было тихо. Потом мы подошли к изгороди и увидели целую группу немецких солдат, расположившихся под ней на земле. У меня с собой был хлеб, я держал его в руке. Спрашиваю одного из этих парней, нет ли у них чего-нибудь поесть, но тут они сами стали требовать у меня хлеб. Я тогда сказал Хансу: «Это место не для нас, Ханс. Пошли отсюда: у этих парней и оружия-то нет при себе.» Таких там было много – они повыбрасывали все свое снаряжение и ждали, когда их возьмут в плен.

Мы с Хансом ушли, но вскоре и сами попали в плен на несколько часов. Мы шли, и тут я услышал, что какие-то люди говорят между собой. Я знал, что говорят они не на английском или французском, а потом понял, что это были поляки. Там у англичан была польская дивизия, и ее солдаты взяли нас в плен.

Вы сказали, что пробыли в плену всего несколько часов. Как Вам удалось бежать?

У меня с собой в кармане была нарукавная повязка санитары, и я нацепил ее перед тем, как они схватили нас. Они спросили меня, не санитар ли я, и я сказал да, мы оба, Ханс и я – санитары. Они обыскали меня в поисках оружия, но я перед тем, как нас взяли, выбросил свой автомат в воду. Конвоир потом отвел нас на какую-то ферму, чтобы мы оказали помощь раненым немецким солдатам, которых они взяли в плен. Становилось темно, и я сказал Хансу: «Бежим.» У двери все время был часовой, мы вышли из дома и заговорили с ним. Потом вернулись в дом и выбрались через окно. Нам повезло: нам удалось уйти...

Потом Вы что делали?

Когда мы уходили через поля, я видел убитых солдат. Они погибли ночью. Это было страшное зрелище. Эти люди не знали, куда идти, и навались на английские пулеметы. Обычно бои ночью затихали, но в том месте этого не случилось... там были сотни и сотни убитых, лежавших на земле в полях между живыми изгородями. Мы не увидели ни одной живой души, пока не вышли к тому же месту, откуда начинали свой путь. Те парни так и сидели там в ожидании того, что их возьмут в плен. Бронетранспортер, на котором мы до этого ехали, ушел. Мы подобрали кое-какое оружие, которое валялось на земле близ дороги. Все вокруг было усеяно оружием, снаряжением и техникой, оставленными отступающими немецкими войсками.

Уничтоженная с воздуха немецкая колонна. Фалезский котел

То есть, Вы снова были на своих двоих и все еще стремились выбраться оттуда?

Да. Мы набрали на тот самый эсэсовский бронетранспортер, на котором ехали раньше. Какие-то офицеры сказали нам: «Это наш последний шанс убраться отсюда.» Дело было 20 августа 1944 года, и союзники уже плотно запечатали выход из котла. Генерал Майндль (Meindl) все еще командовал парашютистами, он собрал нас и организовал для прорыва. Наши части, находившиеся вне котла, попытались пробить брешь в нем снаружи, а внутри котла для попытки прорыва из него было собрано около 5 000 человек. Мы оставили позади тех, кто остался без оружия и кто хотел сдаться в плен. Все смешалось: там были эсэсовцы, парашютисты и люди из самых разных частей. Мы были последней большой группой, пошедшей на прорыв вырваться. После этого на восток пробивались только поодиночке...

Наступил момент, когда Вы снова оказались в своей части. Какой была ситуация после того, как Вы вырвались из котла?

Мы выбрались вместе с несколькими высокопоставленными офицерами, среди которых был генерал Майндль. Из тех 5 000 только около половины вышли из окружения. После Нормандии в моем взводе осталось только трое или четверо парней, а от полка из 3 000 человек осталась только пара сотен. До этого в каждом батальоне был взвод саперов, теперь нас осталось совсем мало. Мы вернулись на передовую и оставались там, пока сражение не завершилось. Вообще, мы хотели идти домой. Мы думали, что в Нормандии все кончилось и что войне конец.

Похоже, Вы были подавлены в большей степени, чем тогда, когда были под Кассино. Было ли, с Вашей точки зрения, отступление из Фалезского котла паническим бегством?

Парашютисты не паниковали. Мы были хорошо организованы и информированы о происходящем, но продолжали драпать, потому что лучше быть в десяти милях от противника, чем в одной миле. Люди говорили: «Да ну это все к черту!» и бросали оружие и снаряжение. Я видел среди них нескольких старших офицеров, которые не знали, что

делать. Некоторые солдаты бегали кругами. Я видел тысячу человек, которые перебежали от одного поля до другого, удирая от американских танков, словно цыплята. По ночам они не понимали, куда идут.

Как бы Вы сравнили американцев и британцев?

Трудно сказать. Англичане были обучены в том же ключе, что и немцы. Они стойко дрались и днем, и ночью. Американцы были более расслабленными. Они воевали, располагая огромным количеством оружия, техники и материалов. Если что-то не срабатывало, они бросали в бой множество бомбардировщиков, как это было под Сен-Ло. Если они не могли продвинуться вперед, они атаковали сотнями самолетов и выбамбливали всю местность. Если и это не действовало, они бросали в бой еще больше артиллерии, пока не сводили наше сопротивление к минимуму. Такие атаки негативно действовали также и на наш боевой дух

Оглядываясь назад, можно сказать, что самым потрясающим было то, с каким упорством сражались Вы и Ваши товарищи-парашютисты. Скажите, вот Вы уже в 1942-м году считали, что война проиграна, но все равно продолжали драться. Почему так?

Я думаю, единственным, что заставляло машину крутиться было то, что нам постоянно говорили о секретном [чудо] оружии. Я проехал по Германии из конца в конец: Берлин, Дрезден, потом Мюнхен. Я видел поврежденными целые улицы. Видел, что у домов снесены крыши. Но, если ты был на фронте, ты всего это видеть не мог, так что солдаты должны были выполнять свой долг, и этим все сказано. Мы не задавали слишком много вопросов. Если надо было отступать, мы отступали. Чем быстрее шло дело, тем ближе мы становились к дому.

<https://www.historynet.com/if-you-die-you-die/>

<https://www.historynet.com/fallschirmjager-on-the-run/>

Перевод – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org